

«Μετάνοια» — идея раннего Вячеслава Иванова

АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВА

ALEXANDROV Andrea, Budapest, Mézeskalács tér 4, H-1155

E-mail: alexandrovandrea@dpg.hu

Abstract: The motif of *metanoia* as found in Vjacheslav Ivanov's book *Po Zvezdam*, and concept underlying it are discussed in the article. I have attempted to emphasize a peculiarity of the motif structure of Ivanov's collection of essays, namely the relative "independence" of motifs from the ideas they express. This peculiarity is well exemplified by the motif of *metanoia*. Derived from Nietzsche, assimilated, and signified by the Gospel term, the concept constituting the core of the motif is transformed gradually by Ivanov into its opposite. The article is a part of the dissertation currently being prepared.

Keywords: metanoia, Vjač. Iv. Ivanov, "Po zvezdam"

Данная статья является частью работы, посвященной сборнику Вячеслава Иванова «По звездам». Книга Иванова рассматривается в ней в своей целостности, и исследуются, в первую очередь, те особенности ивановского текста, которые создают единство сборника. В числе таковых анализируется мотивная структура книги в целом и прослеживаются выстраивающиеся в ней мотивные ряды сборника.

Играли сверстники на флейте,
Но звук детей не веселил,
Когда Пришлец МЕТАНОЕИТЕ,
Взглянув как небо, возгласил.
(«Человек»: III, 201)¹

Как и большинство из основных в данный период идей Иванова, идея «метанойи» впервые появляется в статье «Ницше и Дионис» (1904). Содержащий эту идею фрагмент состоит из двух частей, первая из которых вводит понятие:

Вдохновленный дионисийским хмелем Ницше сознавал, что (...) внутри нас должна совершиться какая-то глубокая перемена, преображение всего душевного склада, перестройка всего созвучия наших чувствований — перерождение, подобное состоянию, означаемому в евангельском подлиннике словом «метанойя», оно же — условие прозрения «царства небес» на земле (I, 721).

Читатель, таким образом, изначально получает **многослойную концепцию**: к исходным мыслям Ницше в качестве аналогии присоединя-

¹ Произведения Вячеслава Иванова цитирую по изданию: *Иванов В. И. Собрание сочинений I–IV*. Брюссель 1971–1987. Римскими цифрами указывается том, арабскими — страница.

ется указание на евангельское изречение, которое в русском синодальном переводе звучит как «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 4,17). Конечно, нельзя терять из виду и того, кто сводит эти две линии и преподносит их как цельную мысль, т.е. самого автора статьи. Постараемся проследить, как со-работают вместе эти три слоя.

Конкретизируя идею «метанойи», Иванов приводит **два положения Ницше**, а именно:

1. превосходство субъективной истины воли человека над внешне налагаемыми объективными истинами и
2. свобода человека от оценок и норм житейской морали.

В области учения о познании он [Ницше] провозгласил, что то, что утверждает себя как истина объективно-обязательная, может быть отрицаемо в силу автономии истины субъективной, истины внутреннего воления. <...>

В области учения о нравственности он выступил с проповедью, что жить должно вне или по ту сторону «добра и зла»: что, в аспекте религиозном, совпадает с принципом святости и свободы мистической... (I, 721)

Вот две ницшеанские идеи, творческое восприятие которых составляет ядро «метанойи» Иванова и которые в дальнейшем им многократно упоминаются в сборнике «По звездам».

В статье «Кризис индивидуализма» (1905) две составляющие «метанойи» идеи Ницше уже **связаны между собой**: представление о субъективной истине внутреннего воления прямо ведет к мысли об относительности внешних норм и свободе человека от житейской морали. Еще важнее для нас, что в этом эссе в ницшеанскую мысль привносятся уже исключительно ивановские моменты. «Истинное я в себе» рассматривается Ивановым как «дух» — как **начало соборное и вселенское**:

Раньше категорический императив являлся в аспекте объективно-вселенском. Отныне он предстал духу в субъективно-вселенской своей ипостаси. <...> действуй так, чтобы волевой мотив твоего действия совпадал с признаваемой тобою нормой всеобщего изволения. Только в таком (субъективном и волевом) истолковании, при таком опосредовании формальной этики психологическим моментом, заповедь долга *может* совпасть с заповедью любви. <...>

Служи духу, или твоему истинному я в себе, <...> и пусть различествуют пути служения и формы его: дух дышит где хочет (I, 833).

Правда, новым аспектам можно найти соответствия уже в «Ницше и Дионисе», только там они высказаны не в связи с идеей «метанойи», а отдельно, в рассуждениях об эллинском боге. Тут, в «Кризисе индивидуализма», отдельно высказанные прежде положения всего навсего **вносятся в текст самого концепта**. Тем самым, однако, изначальные идеи Ницше оказываются радикально переосмысленными, можно даже сказать, обращаются в собственную противоположность:

Мы были бы нецельны, <...> если бы еще мнили, что возможно для нас личное самоутверждение, вне его соподчинения вселенской правде, или иная свобода, кроме той, которая составляет служение Духу. Итак, будем утверждать вселенское изволение нашего я... (I, 839–840).

Потому и возможно определить свободу как служение духу, как «утверждение вселенского изволения нашего я», что в человеке есть нечто большее его эмпирической личности: в душе человеке есть «выход» в трансцендентное. И если голос этого «сверхиндивидуального в индивидууме» отрицается внешними истинами, то человек имеет право отдать предпочтение внутреннему голосу.

Сравнительно с «Кризисом индивидуализма» мы уже не найдем принципиально новых черт рассматриваемой идеи во всем сборнике. Но, очень характерным для Иванова образом, тот же самый мотив обращается к нам в отдельных статьях то одной, то другой своей стороной — и мы имеем возможность проследить постепенное развертывание изначального сгустка мыслей.

Так, в статье «Идея неприятия мира» (1906) акцент ставится на применении этих принципов **к общественной жизни**, т.е. на концепции **мистического анархизма**. Идея мистического анархизма была провозглашена уже в «Кризисе индивидуализма» (I, 839–840), и отзвуки ее слышны в эссеистике Иванова вплоть до 1908, когда в работах «Байрон и идея анархии» (1908) и «О „Цыганах“ Пушкина» (1908) она служит фоном для интерпретации двух поэм.

Иная сторона проблемы выступает на первый план в «Двух стихиях в современном символизме» (1908), где происходит проецирование идеи «метанойи» **в плоскость эстетическую**. В статье развивается мысль, что идеализм стремится к субъективной свободе, в то время как реализм устремлен к объективной правде (II, 546). Поскольку мировосприятие современной души, вследствие ее «солнцеворота», «реалистическое и психическое в одно и то же время» (II, 558), — требуется такой эстетический принцип, который позволял бы синтезировать личное и сверхличное начала, не препятствуя ни свободе, ни правде. Так идея «метанойи» находит свое место в плоскости эстетики. Искомый принцип был найден Ивановым **в мифе**, определенном им как «объективная правда о сущем» (II, 554), часто обретаемая, однако, в процессе индивидуального творчества.

И миф, прежде чем он будет переживаться всеми, должен стать событием внутреннего опыта, личного по своей арене, сверхличного по своему содержанию (II, 558).

Необходимое условие такого мифотворчества, — говорит Иванов, — душевный подвиг самого художника. Он «должен перестать творить вне связи с божественным всеединством, должен воспитать себя до возможностей творческой реализации этой связи.» (II, 558) Эта формулировка наглядно демонстрирует отмеченный нами уже в «Кризисе индивидуализма» 180-градусный поворот, который претерпели у Иванова исходные идеи Ницше. Там — отрицание объективно-обязательной истины во имя субъективной истины внутреннего воления; тут — стремление к объективной правде. Там — свобода от моральных норм; тут — подчеркнутое напоминание о долге человека. По сути говоря,

Иванов уже, постулируя «истинное я» в человеке, «дух», «начало соборное и вселенское», утверждает существование единой правды для всех: его идея «субъективности» не есть релятивизм. Его правда, пользуясь его формулировкой, субъективна по своей арена, но объективна по своему содержанию. «Не вне тебя правда, а в тебе самом» — интерпретирует Иванов прощальные слова старого цыгана к Алеко — «найди себя в себе <...> — и узришь правду» (IV, 317).

О соотношении в концепте «метанойи» ницшеанского и собственно-ивановского представлений говорилось уже много, но, с другой стороны, совсем не обсуждался его третий аспект — христианский. Выдвинутый Ивановым в статье «Ницше и Дионис», он отошел на второй план. Статья «О русской идее» (1909) тем и интересна для нас, что в ней мы опять встречаем и сам термин «метанойи», приложенный к уже собственно ивановской концепции:

Очищение выражено в призыве *μετανοείτε* (т.е. переменитесь внутренне, раскайтесь в прежнем), которым Христос начинает свою проповедь. Здесь пробуждение мистической жизни личности — первая и необходимая основа религиозного дела. Здесь осознание всех ценностей нашей критической культуры как ценностей относительных, предуготовляющее восстановление всех правых ценностей в связи божественного всеединства (III, 337).

В данном отрывке Иванов включает евангельские слова в контекст своей мысли в качестве аналогии. Если сравнить формулировку этой статьи с вышесказанными в «Ницше и Дионисе», то можно отметить более решительное отождествление «своей метанойи» с изречением Христа, ведь там говорилось всего лишь об их сходстве: «перерождение, подобное состоянию, означаемому в евангельском подлиннике словом „метанойя“» (I, 721).

Иванов, кажется, вполне отдает себе отчет, что парадоксальным образом совмещает несовместимое — мысли яростного противника христианства в его концепции имеют точку соприкосновения с призывом Христа. Как раз в этой статье он цитирует свою работу 1905 г. «Из области современных настроений», где он писал:

Достоевский и Ницше, два новых властителя наших душ, еще так недавно сошли со сцены, прокричав в уши мира один свое новое и крайнее Да, другой свое новое и крайнее Нет — Христу. Это были два глашатая, пригласившие людей разделить на два стана в ожидании близкой борьбы, сплотиться вокруг двух враждебных знамен. Предвозвещался, казалось, последний раскол мира — на друзей и врагов Агнца... (III, 322).

Мы уже видели, что, разрабатывая свою идею «метанойи», Иванов должен был весьма модифицировать исходные положения Ницше. Как же он понимает эти евангельские слова? В самом Писании слова «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» не разъяснены специально. Уточнением того, какое именно внутреннее изменение человека имеется в виду, служит все евангелие. Чтобы ответить на вопрос, как интерпретирует сам Иванов эти слова, нам нужно обратиться

к статье «Ты Еси» (1907), поскольку статья «О русской идее», хотя, по причинам строения, и включена в сборник до «Ты Еси», она написана двумя годами позже и, очевидно, оперирует уже готовой интерпретацией, с которой читатель уже знаком и которую поэтому нет надобности воспроизводить.

Дж. Уэст обращает внимание на следующую особенность ивановского восприятия: поэт интерпретирует первые слова Христа в свете молитвы «Отче наш», связывая, таким образом, два образа неба — «Отче наш, сущий в небесах» и «приблизилось Царство Небесное» — а также два волевых акта: «да будет воля Твоя» с призывом «метанойте»². Хотелось бы к этому добавить, что в статье «Ты Еси» молитва «Отче наш» уже **изначально интерпретирована Ивановым**:

Правая молитва, которой учил Христос, начинается с волевого акта, обращаящего наше личное сознание к сверхличному, — с утверждения нашего богосыновства: «Отец наш», — «Ты» в нас.

Выражение «небо» (οὐρανός) и «небеса» (οὐρανοί) принадлежат к сокровенному в евангельском учении, к новозаветным *arcana*.

Небо в человеке; оно разоблачается в его сознании чрез внутренний поворот воли (μετάνοια)*. Торжествующее в человеке внутреннее Небо есть «царство небес». В глубине нашего Неба есть Отец (ἡ ἐν τοῖς οὐρανοῖς). Совершенное излучение воли Его в нас, просветляющее всю среду и как бы самую поверхность (периферию или «землю») нашего сознания, есть осуществление воли Отца «на Земле».

Основой ивановских рассуждений, их предпосылкой служит положение, что в евангельском учении есть сокровенный, тайный слой, *arcana*. Тайна эта относится к области антропологии и состоит в том, что Бог находится внутри человека, он познаваем изнутри, посредством волевого акта, внутреннего поворота воли — «метанойи».

В предыдущих частях статьи высказана излюбленная Ивановым мысль о едином, раз и навсегда совершенном в глубине человека выборе «между конечным богопротивлением и осуществляющимся богосыновством, между сверхличным изволением и личным отъединением» (III, 266). Ивановская «метанойя» покрывает одну сторону этой альтернативы: человек, совершающий его, выбирает «служение духу, или истинному я в себе» (I, 833). Выбор человека предшествует познанию Бога в себе, но не только: он его и осуществляет; Небо разоблачается «чрез» внутренний поворот воли.

Уэст полагает, что Иванов как бы вносит свою поправку в понимание греческого текста, который, в отличие от привычной интерпретации («покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»), у него означает: «направьте свою волю на иное [redirect your will], ибо Отец в Небе имманентно в вас [for the Father in Heaven is immanent in you]»³. Однако,

² J. WEST, «Ty esi...»: Cultura e memoria: atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. Firenze 1988, I, 235.

* Мф 4, 17: μετανοείτε, ἡγγικεν γὰρ ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν (III, 267/746).

³ Там же.

это только одна сторона ивановской мысли. Второй ее аспект может быть выражен фразой «направьте свою волю на иное, **чтобы прозреть**, что Отец в Небе имманентно в вас».

Как уже было сказано, Иванов в статье «Ты Еси» упраздняет дистанцию между призывом Христа и собственной идеей «метанойи». В данной статье нет возможности касаться ивановских представлений о природе трансценденции, ни, тем более, обдумывать их отношение к христианству. Но в связи с его концепцией «метанойи» всё же стоит отметить некоторую особенность, которая, представляется, связана с его выбором термина. В самом деле: почему он обращается к греческому слову (метаноеите), почему не пользуется словом русского перевода — «покайтесь»? По мнению Дж. Уэста, Иванову нужно первичное значение слова: «поверните свою волю», содержащееся в греческом термине⁴. Дж. Калевич-Креацца же полагает, что его привлекает богатство значений греческого слова сравнительно с русским: оно прошло свой путь развития от простого значения «менять решение» (поворот воли) — до словоупотребления св. Павла, где «метанойя» уже означает «обращение», т.е. «изменение мысли вследствие раскаяния»⁵.

Христианская идея покаяния соединяет в себе «покаянную установку» и «покаянные труды» — иными словами: покаяние есть установка сознания, которая разворачивается в определенные действия. Это уже не психологический, а онтологический процесс, «в котором тварная падшая природа ищет перемениться в Божественную»⁶. Но этот переход невозможен сразу и непосредственно, именно вследствие падения твари: требуется долгий процесс, который начинается с очищения от страстей — процесс переплавления человека.

В ивановской «метанойе» нет этого аспекта процессуальности⁷, работы над собой. Это единичный акт, поворот, выбор и прозрение, а не «покаянные труды». «Метанойя» у Иванова оборачивается непосредственно в «мистическое поглощение я в Ты», после чего «мы будем целостно совершенны, как Отец в Небе» (III, 267).

Гораздо позже, далеко за пределами рассматриваемого сборника, в ивановской мысли появится и второй аспект, обозначенный, однако, уже не греческим словом, а славянским:

К неофитам у порога
Я вещал за мистагога.

⁴ Там же.

⁵ Джованна Калевич-Креацца, Тема греха и раскаяния в произведениях Вячеслава Иванова: *Studia Slavica Hung.* 1996 (41), 137.

⁶ С. С. Хоружий, Аналитический словарь исихастской антропологии: Синергия. Проблемы аскетике и мистики православия. Научный сборник под общей редакцией С. С. Хоружего. Москва 1995, 70.

⁷ Хотя, по мнению С. С. Хоружего, в греческом слове оба аспекта выражены: «умоперемена» — это установка, суть которой есть переплавление. Ср.: С. С. Хоружий, Аналитический словарь исихастской антропологии, 69.

Покаянья плод творю:
Просторечьем говорю.

Да и что сказать-то? Много ль?
Перестал гугорить Гоголь,
Покаянья плод творя.
Я же каюсь, гугоря, —
(«Римский дневник 1944 года»: III, 593)

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что своеобразие мотивической структуры книги «По Звездам» состоит в относительной независимости мотивов как словесных образов от идей, выраженных ими. Проследив мотив «метанойи» в сборнике, мы пришли к выводу, что его идейная основа коренно изменилась в книге, можно сказать, превратилась в свою противоположность.

Иванов исходил из двух положений Ницше и связал их с евангельским термином «метанойи». Далее, шаг за шагом, он вносил в концепт свои собственные элементы, в результате чего изначальные мысли Ницше претерпели существенное изменение. Следуя за Ницше, Иванов провозгласил свободу человека от внешне-объективных истин и от норм житейской морали лишь затем, чтобы потом, постулируя в человеческой личности наличие «Духа», «начала соборного и вселенского», потребовать от человека осознания своего «долга», заключающегося в подчинении себя Истине внутренней – «Духу».

В качестве последнего шага в формировании своего понятия «метанойи» Иванов утверждал созвучие своего концепта с христианской идеей обращения. В эссе «Ты Еси» он предложил читателю свою интерпретацию молитвы «Отче наш», в которой установил параллель между образом Отца в молитве и своей концепцией «Духа», т.е. божественного измерения человеческой личности.